

Мария Ланц

Борька

Деревенская история

Мария Ланц Борька

<https://litres.ru/74282767>

SelfPub; 2026

Аннотация

Трогательная, смешная и горькая история о том, как любовь к живому существу меняет человека. И как трудно оставаться собой, когда жизнь требует жестоких решений. О том, что иногда друзья приходят в самых неожиданных обличьях. И что жизнь, какой бы суровой она ни была, всегда оставляет место надежде.

Для всех, кто любит настоящую деревенскую прозу — теплую, честную, без прикрас, но с душой.

Содержание

Глава 1. Утро, которое пахнет хлебом и молоком	4
Глава 2. Утро Степана и куриная дипломатия	9
Г	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Мария Ланц Борька

Глава 1. Утро, которое пахнет хлебом и молоком

Проход был красавцем. Огненно-рыжая грудь, черные, будто ваксой начищенные перья хвоста, и острые шпоры, которые делали его похожим на старого, вечно недовольного генерала в отставке. Нрав у него был под стать внешности — скверный, брюзгливый и до ужаса хозяйственный. Он считал себя главным управляющим всего подворья. Каждое утро, обходил двор с видом ревизора. Он заглядывал в коровник проверить, на месте ли Мура с ее молоком, в свинарник, где хозяйничал крупный боров и в сарай с инвентарем. Если лопата лежала не на месте, Проход возмущенно квохтал и яростно скреб лапой землю, вынося Степану молчаливый вотум недоверия.

Настя, привыкшая к этому ежеутреннему пению, сладко потянулась, хрустнув позвонками, и ткнула мужа локтем в бок.

— Степан, вставай. Проход уже прокричал.

Степан, огромный мужик с бородой, в которой запутались

остатки вчерашнего ужина, издал нечленораздельное «Угу», что на его языке означало: «Я слышу, отстань». И демонстративно перевернулся на другой бок, натянув одеяло на голову.

— Соня, — беззлобно констатировала Настя, скидывая с себя пуховое одеяло.

Босые ноги коснулись студеного пола, пока еще залитого лунным холодом. Бабье лето стояло знатное, золотое, паутинное, но ночи уже дышали первой изморозью. Дом остывал за ночь, как подвал, и воздух внутри казался густым и хрустальным.

Чиркнув спичкой, Настя запалила лучину. Огонь лизнул сухую бересту, жадно перекинулся на поленья — пахучие, смолистые, нарубленные еще в прошлом году. Красавица печь, крикнула, принимая жертву, и по кухне поплыл горьковатый дымок. Настя, ловко орудуя ухватом, затолкала в жерло чугунок с кашей. Медный бок самовара, отполированный до зеркального блеска, ждал своей очереди. Настя привычным жестом включила его. Он запел свою утреннюю арию и покрылся испариной.

Оделась она по-домашнему: длинная юбка из домотканого сукна, фуфайка, поверх — стеганный жилет, чтоб внутри было тепло, а руки свободны. Русые волосы она закрутила в тугой пучок.

Едва она вышла на крыльцо, как из сеней, словно тень, выскользнула Мурка. Кошка была не просто питомицей, она была ее спутницей по хозяйским угодыям. Серая, полосатая,

с белоснежным жабо на груди, она двигалась за Настасьей, как приклеенный хвостик, хотя исчезала иногда по своим, кошачьим делам. Если Настя останавливалась, Мурка садилась у ее ног и начинала подозрительно вылизывать лапу, делая вид, что ей вообще все равно, куда идет ее любимая хозяйка

Настя вышла на середину двора, подставив лицо легкому ветерку. Потянулась так, что позвонки сложились в правильном порядке. Затем повернулась вправо, влево, громко хрустнув поясницей. Наклонилась к земле, пытаясь достать ладонями до сырой травы. За ней, будто передразнивая, Мурка выгнула спину колесом, вытянула передние лапы и сладко зевнула, обнажив розовый язычок.

— Ну, шалопайка, — усмехнулась Настя. — И кто тебя только научил?

Из хлева донеслось протяжное, низкое, но на удивление нежное:

— Му-у-у-р-р...

Это приветствие было совсем не коровьим. Оно было воркующим, почти кошачьим. Собственно, корову звали Мурой именно за эту особенность. Во-первых, она была лучшей подругой кошки Мурки, которая иногда спала в сене и частенько терлась о теплые, огромные ноздри коровы, когда та жевала сено. Во-вторых, вокализ Муры был легендарен. Она не мычала. Она мурлыкала басом. Соседи смеялись, что, мол, либо корова у Насти кошкой прикидывается, либо кошка —

коровой.

Зайдя в полумрак хлева, где пахло теплым навозом, сухой травой и молочным паром, Настя достала из кармана горбушку черного хлеба, густо посыпала ее крупной серой солью. Мура, увидев угощение, сразу перестала жевать свою жвачку и вытянула вперед влажный, бархатный нос. Хлеб она взяла с невероятной деликатностью — губами, почти не касаясь ладони, только дыхание обожгло кожу. Это была древняя сделка, магический ритуал: «Я тебе хлеб — ты мне молоко». Мура, пережевывая горбушку, одобрительно скосила на Настю огромный коричневый глаз: договор в силе.

Настя плеснула воды в ведро, намочила тряпку и, присев на низенькую скамеечку, привычным движением протерла вымя — огромное, розовое, тугое. Ладони сами нащупали соски. Тепло парного молока, только что родившегося в теплом чреве коровы, ощущалось даже через кожу рук.

Первая струя молока ударила в ведро с глухим, упругим звоном, который быстро превратился в ритмичное, звонкое *тень-тень-тень*. Молоко лилось туго, жирно, образуя высокую пенную шапку. Когда ведро наполнилось до половины, Настя остановилась, отлила немного в глубокую миску и поставила на пол.

Мурка, которая все это время сидела поодаль с невозмутимым видом, будто ее совсем не интересует этот процесс, в ту же секунду материализовалась у миски. Она ткнулась носом в молоко, вздрогнула — теплое, парное, но затем приня-

лась лакать с урчанием, похожим на работу маленького мотора.

— Ешь, ешь, — сказала Настя, глядя на кошку. — Ты у меня главная помощница. В отличие от некоторых, кто спит до обеда.

Она снова взялась за вымя. Где-то за стеной Прохор снова издал боевой клич, и Настя поняла: соседский кот Вася опять полез на забор. Опять будет война. Она улыбнулась и покачала головой. У Насти сейчас была своя война — за ведро жирного молока, за утренний покой и за то, чтобы вовремя накормить всех завтраком.

Глава 2. Утро Степана и куриная дипломатия

Степан откинул одеяло с такой решимостью, будто собирался нырять в прорубь. Громкий, раскатистый зевок вырвался из его груди — такой мощный, что зазвенели стекла в оконных рамах. Он крякнул, почесал живот и, побряхтев, уселся на край кровати. Голова его, опутанная русыми волосами, еще секунду болталась взад-вперед, словно он взвешивал все «за» и «против» этого утра. Потряс ею, как старый пёс, отряхивающийся после дождя, и наконец водрузил ступни на холодный пол.

— Ох, мать честная, — выдохнул он, ощутив, как деревянные половицы ледяными иглами впиваются в пятки.

Покрутился на месте, застонал от удовольствия, разминая затекший позвоночник — хруст стоял такой, будто он собирал себя заново из деталей конструктора. Затем, не торопясь, с чувством, почесал все места, до которых дотянулся. Руки у Степана были длинные, с рабочей мозолью и вечным запахом моторного масла, и натянул на себя холщовые штаны, подвязанные веревкой, да телогрейку. Телогрейка была старая, ватная, в пятнах засохшего дегтя и молочных брызг, но дышала она теплом и привычностью.

Он вышел в кухню, где самовар уже вовсю гудел басом,

пуская пар под самый потолок. Крышка его мелодично позвякивала, выпуская белые клубы. Степан выключил самовар, и тишина в доме стала почти осязаемой — осталось только тихое потрескивание дров в печи и бульканье чугушка с кашей, которая ждала своей очереди.

Степан вышел на крыльцо. Привычно, по-хозяйски, взгляделся в небо. Небо было темным, но чистым, алебастрово-синим, с редкими перьями облаков, похожих на расчесанную вату. «К обеду ветерок поднимется, — прикинул Степан, щурясь на солнце, — но дождя не будет. Сено досушим». Эта мысль его успокоила, и он, шаркая калошами, которые были надеты на босу ногу (потому что носить их с носками было бы по-городскому чересчур), направился в огород.

Там, у заросшего крапивой заборчика, стояла чугунная печка — монстр с пузатым топливником и закопченной трубой. На нем обычно варилась похлебка для всей свиной братии. Не успел Степан подойти к печи, как из-за угла, с видом фельдмаршала на поле боя, вышел Прохор. Шаг его был важен, грудь колесом, борода торчком. Подойдя вплотную, петух принялся кудахтать, издавая звуки, похожие на доклад начальству. В этом кудахтанье слышалось: «Все чисто, чужих нет, куры на гнездах, воробьев разогнал, квочка третья нервничает, но это не ко мне».

Степан, присев перед печкой на корточки и закладывая щепки в жерло, слушал с серьезным лицом. Кивал в так ку-

дахтанью Прохора, как заправский генерал и изредка хмыкал.

— Понял, Проша, — произнес он наконец, когда доклад был окончен. — Молодец, так держать. Следи в оба.

Проخور гордо вскинул голову, распушил хвост веером и на мгновение замер, принимая благодарность. Но идиллия длилась недолго. Внезапно петух дернулся, вытянул шею и, издав боевой, хриплый «Ку-ка-ре-ку!», ринулся в другой конец двора с такой скоростью, что только пыль столбом.

Там, у калитки, разворачивался спектакль. Соседский кот Васька — рыжий проходимец с наглыми зелеными глазами и облезлым ухом, предпринял отчаянную попытку поухаживать за Муркой. Он стоял на грядке, вилял хвостом и пытался изобразить «мур-мур-мур», но выходило у него как у трактора, который пытается быть соловьем.

Мурка, в отличие от своей королевской тезки, не оценила ухажера. Она выгнула спину дугой, хвост ее превратился в ершик для бутылок, а из горла вырвалась сирена, способная разбудить мертвого:

—МЯЯЯЯЯЯРРР!

Васька попятился, но уходить не собирался. И тут в дело вступил Прохор. Он влетел в зону конфликта с развернутыми крыльями, прыгнул вперед, и Васька, увидев этот ракетный снаряд с клювом и шпорами, выбрал тактическое отступление. Он сиганул через забор так, будто за ним гналась стая волков, и растворился в кустах малины, бросив на бегу

обиженное «Мрряу!».

Прохор постоял на поле боя, встряхнулся и с видом победителя оглянулся на Мурку. Кошка, которая уже приняла мирную позу, демонстративно отвернулась и начала умывать лапу, показывая, что, вообще-то, она и сама справилась бы. Но Прохор не обиделся, он же знал, какая она своенравная.

Тем временем Степан поставил на печку большую кастрюлю. На дне ее оставался вчерашний комбикорм, густой и рассыпчатый. Степан плеснул туда воды из ведра, бросил горсть картофельных очисток, покрошил сухой горбушки, и все это добро начал перемешивать длинной деревянной мешалкой.

— Давай варись каша, матушка наша, — приговаривал он, глядя, как каша набухает и парит. — Сейчас ты у нас будешь, как лучшее блюдо этого двора.

Пока каша для Борьки, полугодовалого борова, упитанного, розового и доброго, запаривалась, Степан решил провести курятник. Он взял ведро с пшеницей и двинулся вдоль забора. Краем глаза он заметил, как Прохор, все еще на взводе после битвы, бежит следом, пыхтя и размахивая крыльями. Степан остановился, подождал, когда петух поравняется с ним, и продолжил путь в такт его семенящим ногам.

— Ну что, Проша, — сказал Степан, заходя в притвор курятника, где уже завозились куры, — давай показывай, как сегодня твои красавицы постарались.

Прохор тут же надулся еще пуще, задрал голову и начал громко кудакать, словно открывая торжественную церемо-

нию. Степан привычным движением — ловко, не глядя насыпал пшено в кормушку. Куры, услышав шорох зерна, гурьбой кинулись к еде, а Степан пошел вглубь, где под слоем свежей соломы лежали кладки.

Собрал яйца — всего шесть штук. Теплые, в крапинку, гладкие и пахнущие сеном. Степан вздохнул, разочарованно покачал головой:

— Что-то плохо несутся твои девчонки, Проша. Всего-то полдюжины. Стыдно. В прошлую неделю было по десятку.

Прохор замер, словно статуя. Его борода дрогнула, он издал короткий, возмущенный булькающий звук — смесь обиды и негодования. Затем резко развернулся и зашагал к выходу, демонстративно поднимая лапы, будто он, не при делах, а Степан, вовсе не специалист в тонких материях куриной души.

— Да ладно, не обижайся! — крикнул ему вдогонку Степан, выходя следом. — Я ж не ругаюсь! Просто рассуждаю. Может, чего не хватает? Так я добавлю!

Но Прохор, не оборачиваясь, величественно удалился, предоставив Степану решать эту деликатную проблему самостоятельно. Степан почесал затылок, сплюнул под ноги и пошел на поиски решения. Решение нашлось быстро: погода сухая, трава сочная. Он нарвал в огороде охалку лебеды, крапивы и осоки, помял все это в корыте, чтобы стебли стали мягче, и бросил курам в загоне. Куры, забыв про пшено, кинулись на зеленое угощение с таким энтузиазмом, будто

это был царский пир.

Но и этого Степану показалось мало. Он вернулся в дом, где в чулане стоял мешок с толченой куриной скорлупой — для кальция и крепости. Вытащил мешок, насыпал щедрую порцию в отдельную миску. Куры, увидев белый порошок, сбились в кучу и начали клевать с еще большим азартом.

— Вот так-то, — улыбнулся Степан. — Будете есть — будут яйца. — сказал он своим подопечным.

В этот момент из хлева, придерживая ведро с молоком, вышла Настя. Ведро было почти полным, покрытое шапкой густой пены. Она увидела мужа, стоящего в курином загоне с мешком скорлупы, и улыбнулась:

— Степ, а Степ! Борьку-то накормил?

Степан вылез из загона, отряхнул с телогрейки солому и мотнул головой в сторону огорода:

— Да не... Вон каша запаривается. Сейчас постоит, наберется силы. Потом покормлю.

Настя махнула рукой и понесла молоко в поварню. Это была отдельная комнатка, переделанная из кладовой, где стоял большой глиняный кувшин, марля в несколько слоев и где всегда было прохладно. Настя села на табуретку, натянула марлю на дужку ведра и принялась не спеша процеживать молоко. Теплое, парное, оно стекало в кувшин с тихим, успокаивающим звоном.

В дверь постучали. Даже не постучали — громыхнули кулаком, и дверь тут же, не дожидаясь «войдите», распахну-

лась. На пороге стоял Славик, соседский мальчишка лет десяти, вихрастый, конопатый, с носом, который вечно шелушился на солнце. За пазухой у него торчала пустая литровая банка.

— Теть Насть, здрасте, — выпалил он на одном дыхании. — Мать литр молока просила. Дадите? У нас своего кончилось, а она блины затеяла.

Настя оторвалась от процеживания, окинула мальчонку взглядом:

— А что ж не дать? Ты банку захватил?

Славик вытащил банку из-за пазухи, сияя:

— Ага, а мама сказала, чтобы я бегом и не оглядывался!

Настя сняла марлю, отлила в банку молока до самого горлышка. Молоко было белое, жирное, с желтоватым отливом. Закрыла крышкой, протерла мокрые края и протянула Славiku.

— Как мать-то? — спросила она. — Болеет еще или полегчало?

— Да лучше! — Славик схватил банку обеими руками, прижал к груди. — Она уже и на кухню встала. Вот, решила блинов напечь.

— Ну, я побежал! Спасибо! — и он пулей вылетел в дверь, только его и видели.

Настя проводила его взглядом, покачала головой и незлобно бросила вслед:

— Беги, беги, стервец. банку не разбей только.

Она снова взялась за процеживание, прислушиваясь к тому, как за окном Степан кричит на Борьку, который, видимо, уже унюхал запах каши и нетерпеливо хрюкает, повизгивает, сотрясая загон. На душе у Насти было тепло и спокойно. День только начинался, а дел — вагон. Но это были хорошие дела.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.